

Екатерина МЕЧЕТИНА:

Еще полтора года назад об этой пианистке хорошо знали лишь в узком кругу профессионалов. А сегодня она играет с лучшими оркестрами России и Европы. Ей уже посчастливилось работать с Владимиром Спиваковым, Томасом Зандерлингом, Мстиславом Ростроповичем... Родион Щедрин, впервые услышав Екатерину, доверил ей мировую премьеру своего Шестого фортепьянного концерта. Год назад он прозвучал в Амстердаме, а не так давно Мечетина с блеском исполнила его в России, на сцене Московского Международного Дома музыки.

И СЕБЕ, И ПУБЛИКЕ каждый раз все надо доказывать заново

Встреча с пианисткой — 2004 — 6 сент. — С. 6

— Екатерина, в твоей жизни за очень короткое время произошло столько значительных событий! Можно сказать, что сегодня ты переживаешь свой звездный час?

— Да, правда... Просто полоса каких-то счастливых случайностей. И я очень боюсь спугнуть это ощущение. Особенно знаменательной для меня стала встреча с Владимиром Спиваковым. Он впервые услышал мою игру, когда его оркестр нужно было подстраховать при исполнении Второго концерта Рахманинова. Потом началось настоящее сотрудничество. Для меня это большая радость и ответственность — находиться рядом с таким музыкантом и человеком.

— Музыка Щедрина предъявляет к исполнителю какие-то особенные требования?

— Вначале кажется, что она дышит простотой и внутренним спокойствием. Но с каждой новой репетицией, с каждым исполнением все больше понимаешь, как много в ней скрытых эмоций и контрастов. Щедрина только на чистой технике не сыграешь!

— Мне даже показалось, что у тебя с оркестром Спивакова получился идеальный диалог — артистов и музыкантов в одном лице. А в Амстердаме после мировой премьеры зрительный зал приветствовал тебя стоя...

— Да, и сам Родион Константинович наговорил мне много комплиментов.

— Скажи, какой для тебя самый приятный момент в концерте?

— Как ни странно, это когда я выхожу из-за инструмента. Музыка заканчивается — и по первым аплодисментам я могу определить, удалось мне сегодня воздействовать на публику или нет. Хо-

тя бывает и так, что я собой недовольна, а зрители меня принимают тепло. Во время концерта нужен самоконтроль, но себя же критиковать нельзя. Поэтому минут за 15 перед началом я уже стараюсь поточнее настроиться. Бывает, с публикой не удается найти контакт. Но, как правило, все-таки все зависит от тебя. Когда ты полностью отдаешься игре — тогда и получается взаимный энергообмен.

— А можешь рассказать о своем первом в жизни сольном концерте?

— О! Мне было десять лет, и концерт проходил в зале музыкальной школы. Мы со своим педагогом решили проверить силы. Смогу ли я, накопив определенный репертуар, выдержать полностью два отделения. Я очень серьезно готовилась, хотя физически это было нелегко. Добавьте к этому, что в зале была только «своя» публика — родители, педагоги, ученики... Но ощущение осталось незабываемое. Я выходила играть тот свой первый концерт с чувством, будто мне орден дали... Через два года я уже играла по 15 сольных концертов.

— Твои боги среди пианистов?..

— Рахманинов — как и во всех других его ипостасях. Конечно, Горовиц. Вообще прошлые эпохи нравятся больше. Сейчас все как-то стандартизируется. Может быть, сегодня при избытке музыкантов труднее найти свою индивидуальность. Общая профессиональная планка растет, но конкурсов среди пианистов так много, что свое предназначение они просто не выполняют. Сегодня можно провести конкурс с участием пяти пианистов, а можно с участием ста тридцати... Понятно, что цена первой награды в этих случаях будет разной. Нет объективности. По-

настоящему солидных конкурсов осталось пять-шесть.

— Публика в России и за рубежом разная? Где ты чувствуешь себя комфортнее?

— Везде есть своя специфика. В России я чувствую предельную ответственность. Самая требовательная публика — в Большом зале Московской консерватории. Это совсем не значит, что в других странах можно снижать планку. Итальянцы темпераментны, французы утонченны. А вот, например, японцев не поймешь. Им может очень понравиться игра, но аплодировать при этом они будут очень деликатно. Американцы же, восторгаясь, свистят. Самая образованная публика — это немцы, они никогда не захлопают между частями произведения.

— Работая над новым произведением, ты слушаешь много чужих записей?

— Я, конечно, слушаю других исполнителей, но важно не перебить свое ощущение музыки, чтобы невольно не копировать игру... Лучше в себе покопаться. Вообще я поняла, как важно записывать все свои выступления. Ведь Рихтер записывал все свои программы. Как иначе проанализировать собственную игру?.. Скажем, из двадцати концертов бывает два, на которые можно ровняться.

— У тебя уже есть ощущение, что тебе подвластно все?

— Перед каждым новым концертом оно снова исчезает начисто! А после удачного выступления может появиться ненадолго — но уже через пару дней ты понимаешь, что и себе, и публике надо все доказывать заново.

Беседовал
Александр ВАСИЛЬЕВ